

V $\frac{10}{339}$

T. 1 +

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗГНАННИКИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

24/10
339.

В. В. Розановъ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗГНАННИКИ

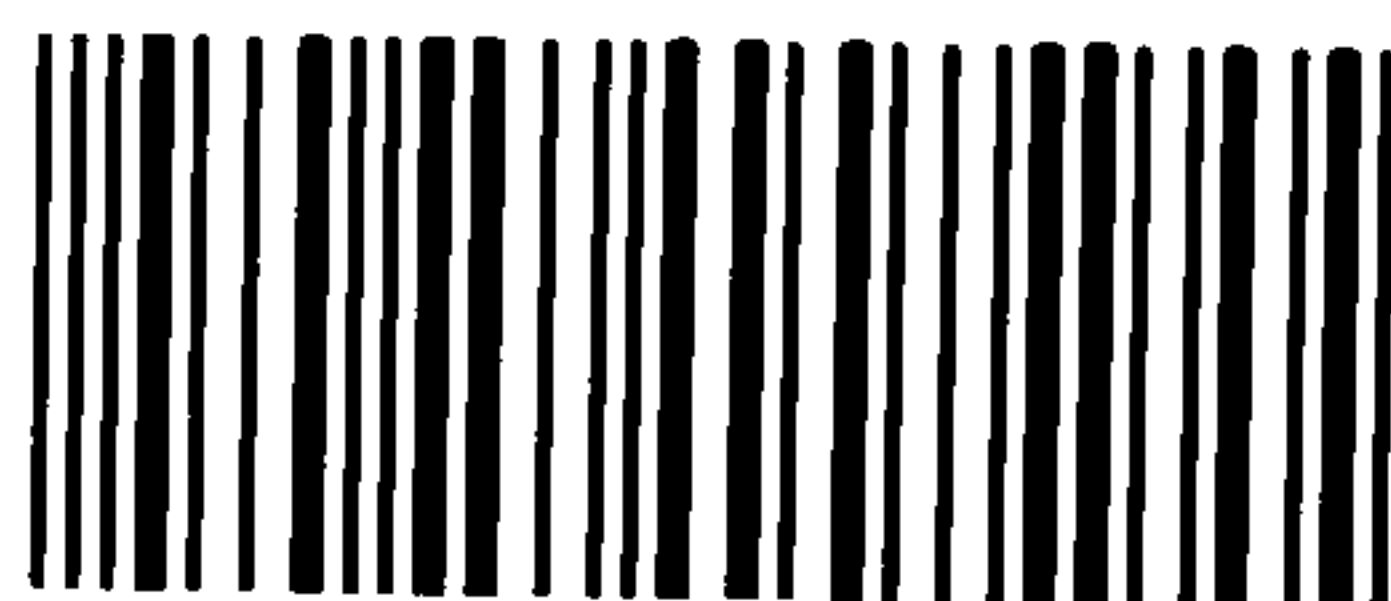
ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ портретомъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1913

2007041689

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эггелевз, 19

Единственный видъ литературы, который я признавать сталъ — это ПИСЬМА. Даже въ «дневникъ» авторъ принимаетъ позу. Письмо-же пишется столь спѣшно и въ такой усталости, что не до позы въ немъ. Это единственный искреннѣй видъ писаній.

*Священникъ Павелъ Флоренскій
(изъ частнаго письма ко мнѣ).*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	IX—XII

Н. Н. СТРАХОВЪ , его личность и дѣятель- ность	1—414
--	-------

О борьбѣ съ Западомъ,—въ связи съ ли- тературною дѣятельностью одного изъ славянофиловъ	3
---	---

Идея раціональнаго естествознанія	65
---	----

Разсѣянное недоразумѣніе.	107
-----------------------------------	-----

<i>ПИСЬМА</i> Н. Н. Страхова	112—414
--	---------

Некрологи и замѣтки о Н. Н. Страховѣ .	415—435
--	---------

Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОКЪ въ нѣсколькихъ <i>ПИСЬМАХЪ</i>	437—454
--	---------

Вѣчная память. 24 января—27 іюля 1896 г. .	455—531
--	---------

Портретъ и автографъ Н. Н. Страхова	401
---	-----

Печатаю «Письма А. С. Суворина», я печатаю его письма,—человѣка всегда стоявшаго внѣ меня, какъ и я былъ внѣ его. Суворинъ былъ единственный вполнѣ *историческій* человѣкъ, съ *исторической* ролью, котораго я много лѣтъ наблюдалъ какъ *проходившее около меня явленіе* и меня *нисколько не задѣвавшее*: но которому я отдалъ много удивленія, глубочайшее уваженіе за чистоту и незлобивость, за глубокую правду души; котораго я любилъ какъ *великое русское явленіе*, подобно какъ могъ-бы любить Толстого, Менделѣева и проч.

Отношеніе—объективное; двухъ касательныхъ круговъ.

Печатаемая ниже письма издаются совсѣмъ въ другомъ тонѣ;—съ другимъ чувствомъ, въ другомъ намѣреніи. Исторія—умолкла. Площади—нѣтъ; улицы—нѣтъ. Дверь крѣпко заперта. Горитъ старая русская свѣчка, даже едва-ли стеариновая.

Самъ я въ туфляхъ и гости мои въ туфляхъ. Тутъ—«мы»; и это—«наши письма», гдѣ мы споримъ, ругаемся, любимъ другъ другомъ, или по крайней мѣрѣ я люблюсь своими корреспондентами.

Отношеніе—субъективное.

Круги — концентрическіе другъ къ другу; кругъ—въ кругѣ, или какъ въ дѣтской игрушкѣ: «яичко — въ яичкѣ», большія, маленькія, до совершенно крошечнаго, до исчезающей трухи.

Начинаю со своего «крестнаго отца» (въ литературѣ), Николая Николаевича Страхова.

Человѣкъ, который въ одномъ «я» совмѣстилъ:

- 1) философа-аналитика,
- 2) біолога,
- 3) литературнаго критика,
- 4) публициста.

Являясь вездѣ лишь изрѣдка патетическимъ *утвердителемъ* (отношеніе къ Толстому, и то съ оговорками), а постоянно — *предостерегателемъ, удерживателемъ*... Здѣсь—его смертная часть. Поистинѣ, онъ казался вѣчно «толкующимся на *одномъ мѣстѣ*», вѣчно путающимся «все въ *тѣхъ-же* словахъ», понятіяхъ, тезисахъ, предостереженіяхъ, угрозахъ. Но часть эта «смертна» въ смыслѣ успѣха для земли, славы, шума,—въ смыслѣ толпы «слѣдующихъ учениковъ». За нимъ «никто не шелъ», да и трудно было за нимъ идти, ибо онъ

самъ никуда не шелъ. Что-же онъ дѣлалъ?! Онъ стоялъ около «вѣчныхъ истинъ» ¹⁾, немногихъ въ религіи, немногихъ въ философіи, немногихъ въ искусствѣ, даже въ публицистикѣ—немногихъ; не у него (Стр.)—немногихъ, а въ *дѣлѣ самѣмъ*—немногихъ; и не отходилъ отсюда, и умолялъ другихъ не отходить. Здѣсь, такимъ образомъ, въ смертной для успѣха части его существа—лежала и бессмертная часть этого-же существа.

Нѣтъ,—онъ «звалъ»; нѣтъ,—онъ «шелъ впередъ». Стоя на одномъ мѣстѣ. Какъ вотъ «неподвижныя звѣзды» среди блуждающихъ кометъ.

Тайна Страхова вся—въ мудрой жизни и мудрости созерцанія. Сюда-то онъ и звалъ, сюда-то онъ и *самъ пришелъ*,—и недалеко, всего «на Торговую улицу»; и вмѣстѣ очень далеко—ибо это была вѣчность. Что-же «вѣчнѣе» кельи старца у воротъ шумнаго пригорода? что «вѣчнѣе» Александрійской Библіотеки? что «вѣчнѣе» астронома, рассматривающаго въ трубу небесныя «туманности»? или—святого, читающаго вечернюю молитву? Они «никуда не идутъ», потому-что они «всею достигли». Они — «въ пристани», и эта «пристань» — просто чистая совѣсть, вѣра въ Бога; мудрая жизнь; и нѣкоторое требованіе къ «пригороду» или молитва о томъ, чтобы тамъ власти были «не безчинны».

И только. Но довольно; я никогда не кончилъ-бы, если-бы сталъ развивать это дальше.

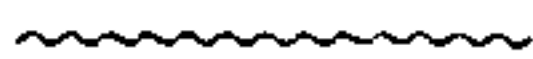
¹⁾ Заглавіе одной изъ книгъ Н. Н. Страхова.

Къ письмамъ я прилагаю нѣсколько статей
своихъ о Страховѣ, а также нѣсколько писемъ
Юрія Николаевича Говорухи-Отрока. Это былъ
лучшій публицистъ-критикъ нашихъ 80-хъ и
90-хъ годовъ ХІХ-го вѣка, писавшій подъ псевдо-
нимами «Ю. Николаевъ» и «Елагинъ» въ *Моск.
Вѣдомостяхъ* и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

В. Р.

Сахарна, Бессарабск. губ.

4-го августа, 1913 г.

Н. Н. СТРАХОВЪ

ЕГО ЛИЧНОСТЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

О борьбѣ съ Западомъ, въ связи съ литературной дѣятельностью одного изъ славянофиловъ.

Мы привѣтствуемъ появленіе только что вышедшаго, вторымъ изданіемъ, второго тома «Борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ» г. Н. Страхова. Тѣ, кто знакомъ съ его первымъ изданіемъ, найдутъ въ настоящемъ рядъ новыхъ статей, и между ними «Роковой вопросъ», надѣлавшій въ свое время столько шуму и послужившій причиною закрытія журнала О. М. Достоевскаго «Время». Есть въ этомъ второмъ изданіи и статьи, никогда еще не появлявшіяся въ печати. Онѣ всѣ примыкаютъ къ «Роковому вопросу», служа поясненіемъ его или дальнѣйшимъ развитіемъ. Здѣсь воспроизведена также въ полномъ составѣ статей вся полемика г. Страхова противъ проф. К. Тимирязева (касательно дарвинизма) и противъ Вл. Соловьева (касательно теоріи культурно-историческихъ типовъ Н. Я. Данилевскаго).

Всегдашнія черты таланта г. Страхова цѣлители и знатоки его сочиненій встрѣтятъ и въ настоящей

книгъ, какъ и въ длинномъ рядѣ другихъ, которыя онъ издалъ въ послѣдніе годы¹⁾. Товарищъ по журнальной дѣятельности О. М. Достоевскаго, Ап. Григорьева и Н. Я. Данилевскаго, онъ только въ восьмидесятихъ годахъ, когда началъ выпускать цѣльные сборники своихъ статей, сталъ получать прочную и широкую извѣстность. Его статьи о Герценѣ и Ренанѣ²⁾ читались и перечитывались; а всякій, кто слѣдилъ за его полемикой по поводу различныхъ научныхъ вопросовъ, не могъ не чувствовать почти постоянного превосходства его надъ своими противниками, быть можетъ поэтому именно всегда соединеннаго со спокойнымъ изяществомъ постоянно правильнаго спора.

I.

Чрезвычайная вдумчивость составляетъ, кажется, главную особенность въ умственныхъ дарованіяхъ г. Страхова, и она же сообщаетъ главную прелесть его сочиненіямъ. Ихъ можно снова и снова перечитывать³⁾, и все-таки находить еще новыя мысли въ

¹⁾ «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи», «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ», «Критическія статьи о Л. Н. Толстомъ и И. С. Тургеневѣ», «О вѣчныхъ истинахъ». *Примѣчаніе 1900 года.*

²⁾ Въ 1-мъ т. «Борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ», изд. 2-е, Спб. 1887.

³⁾ Трудно сказать, *слабость* это или *сила*. Есть цѣлая категорія писателей, которые какъ бы ни очаровывали во время чтенія, послѣ чтенія черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, даже не очень большой, уже не помнятся иначе какъ въ *общемъ своемъ образѣ*, какъ во

нихъ, которыя или остались незамѣченными при первомъ чтеніи, или впечатлѣніе отъ которыхъ закрылось впечатлѣніемъ отъ другихъ, болѣе важныхъ мыслей. Эта особенность его таланта становится всего болѣе ярка, когда переносишься мыслью отъ него къ его умершему другу, Н. Я. Данилевскому. Связанные тѣсною и многолѣтнею дружбою¹⁾ и единствомъ убѣжденій, они были люди въ сущности противоположнаго умственного склада. Н. Я. Данилевскій разработалъ двѣ громадныя идеи, изъ которыхъ одна положительная по содержанію, другая—отрицательная. Мы разумѣемъ его теорію культурно-историческихъ типовъ, развитую въ книгѣ «Россія и Европа», и критику дарвинизма, изложенную въ двухъ томахъ неоконченнаго сочиненія, которое носить названіе этой теоріи. По своему универсальному значенію обѣ идеи эти высоко возвышаются надъ

всемъ вообще теченію своихъ мыслей. Къ нимъ принадлежалъ Страховъ. И взявъ книгу его,—случайно,—и перечитывая опять читанныя прежде страницы, переживаешь ихъ вторичнымъ переживаніемъ, совсѣмъ свѣжимъ. Конечно, это—слабость, что онѣ не запомнились, но—и прелесть, что онѣ всегда новы. Таковы, кажется, вообще тихіе писатели, т.-е. самые благородные. Страницамъ и строкамъ ихъ недостаетъ силы удара. Они не «рѣжутъ бумагу» перомъ, а будто разрисовываютъ бумагу тихой кисточкой. Рисунокъ аквареленъ и носитъ спеціальное изящество акварели, но—явно тутъ чего-то и недостаетъ. Примѣчаніе 1913 года.

¹⁾ Въ 2-мъ т. «Борьбы съ Западомъ» есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ воспоминанію о Данилевскомъ, стр. XIX—XX и 512—514. См. также предисловіе къ четвертому изданію «Россія и Европа», Спб. 1889.